

Tulyakov V.A.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2019.59.245-280

Contemporary criminology development trends and the criminal law doctrine

Abstract: It is considered the interaction issues between the institutional approach in contemporary criminology and the criminal law doctrine. The author concludes that it is necessary to consistently reconsider a number of positions in theoretical criminology (criminality of a subject, institutionalization of law abuse, criminology of culture) with the purpose of incorporating them in the criminal law doctrine and suggests directions and trends of criminal law policy that would take into account the post-modernist ideology of the new society.

Speaking about the prospects for the increment of criminological knowledge, we have to admit that in modern conditions the norm of mass anomie entails the normative nature and normality of criminal practices and the criminal lifestyle.

A content of the modern understanding of the subject of criminology does not take into account the specifics of the implementation and interaction of legal and social phenomena, which is why it looks extremely vague.

The formation of a model for analyzing the relationship of the systems “legal behaviour - abuse of right - crime” at various levels of social interaction will allow answering the question about the fate and development prospects of modern criminology and its subject matter.

In a simplified form, the task of a modern criminologist is reduced to posing and solving a problem in terms of analyzing why people do not commit crimes, and not why they commit them.

♦ **Tulyakov Vyacheslav Alekseyevich** - Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for International Relations. Odessa National Academy of Law, Odessa, Ukraine. E-mail: tuliakov@ onua.edu.ua

Such approach is dictated, first of all, by particularities of the modern social development, when abuse of a law and offence are become as a norm in society, torn apart by contradictions of systemic political, economic and social nature.

Addressing of criminologists to qualitative methods of analysis instead of attempts to identify statistically significant patterns can play a large role in shaping the scientific apparatus of the future theory of the causes of crime. Although, for the sake of objectivity, from universalism in its current understanding should be gave up.

Under criminal practice is understood the border deviant activity of a subject (subjects) of social relationships, which at certain conditions can be visualized as crime.

If today we perceive the normal course of development of social relations through an analysis of the state of disorder in legal life ('legal chaos'), extreme unpredictability and instability of its manifestations, we prove that offense and crime, some of its types and manifestations have their own internal order, their 'normality'. Such a 'normality' of the existence of crime, as well as other deviations, allows us to speak not about the patterns of its development, but about trends that more or less reflect the process of interaction of law-abiding behavior, abuse of law and crimes and social reaction to them as a whole within the framework of a sustainable system and in separate subsystem manifestations.

Keywords: contemporary criminology; criminal law doctrine; theory of criminology; criminalization.

В современной литературе и на научных форумах достаточно активно обсуждается проблематика кризиса мировой и отечественной криминологии на уровне догматических моделей. Хотелось бы остановиться на некоторых базовых моментах, характеризующих состояние и перспективы развития криминологии, возможностях их имплементации в действующее уголовное

законодательство и уголовно-правовую доктрину. Последнее особенно важно, поскольку именно формирование целостной современной уголовно-правовой картины отвечает потребностям дня, наполняет социокультурные средообразующие элементы правовых норм [1] новым содержанием, как сквозь центробежные процессы аппроксимации, так и через сохранение идеологии правовой доктрины в рамках существующей правовой семьи, в пределах самобытных культуры и идеологии общества [4, с. 56-60]. При этом кризис методологии в системе современного юридического знания, происходящие процессы взаимопроникновения идей и идеологий философии модерна и постмодерна, не могли не найти отражения и в теории уголовного права.

Сегодня все чаще мы говорим о необходимости создания единой национальной концепции уголовного права, бросая упрек эклектике и утилитаризму доктринальных моделей прошлого.

В этой связи не менее важен вопрос: способно ли приращение криминологического знания повлиять на изменение уголовно-правовой доктрины?

Известны задачи, поставленные перед криминалистами Европы. Они связаны с необходимостью определить пути отражения новых и старых форм преступности в понимании преступления и социальной реакции на него, выяснить, какие процессы, отношения и стереотипы влияют на дальнейшую криминализацию и на безопасность общества, придти к консенсусу относительно пути и моделей унификации санкций за транснациональные и общеуголовные преступления при сохранении национальной самобытности уголовно-правовых культур [7]. Естественно, эти задачи влияют и на развитие отечественной уголовно-правовой мысли.

Говоря о перспективах приращения криминологического знания, мы вынуждены признать, что в современных условиях нормативность массовой

аномии влечет за собой нормативность и нормальность криминальных практик и криминального образа жизни.

Содержание же современного понимания предмета криминологии не учитывает специфику реализации и взаимодействия правовых и социальных явлений, в силу чего выглядит крайне расплывчатым.

Обычно криминология трактуется как учение о преступности, преступнике и мерах предупреждения преступлений и преступности в целом. Имеющие место дополнения в структуру предметно-познавательной сферы криминологии (отклоняющееся поведение, делинквентность, проблемы жертвы преступления) только подтверждают сказанное выше: криминология в ее постмодернистском понимании представляет собой учение о праве индивида на нарушение права, социальных процессах и институтах, связанных с реализацией этого права (уголовная юстиция, преступность, преступник, девиант, делинквент, жертва преступления, предупреждение преступлений, контроль, обращение с преступником и жертвами).

В стороне почему-то остаются вопросы злоупотребления правом и правопослушного поведения, проблемы обращения с преступниками и иными гражданами, реабилитационные и компенсационные процессы и институты.

Вместе с тем, по нашему глубокому убеждению, именно формирование модели анализа взаимоотношений систем «правовое поведение - злоупотребление правом - преступление» на различных уровнях социального взаимодействия позволит дать ответ на вопрос о судьбе и перспективах развития современной криминологии и ее предмета.

В упрощенном виде задача современного криминолога сводится к постановке и решению проблемы в плане анализа того, почему люди не совершают преступления, а не того, почему они их совершают.

Такой подход диктуется, прежде всего, особенностями современного общественного развития, при котором именно злоупотребление правом и правонарушения становятся нормой в обществе, раздираемом противоречиями системного политического, экономического и социального характера.

Предвижу возражения - воплощение идеи в жизнь ведет к социологизации криминологии, размыванию специфики криминологического знания, направленного, прежде всего, на изучение преступного поведения и характеристик массовой деструктивности, определенных криминальным законом конкретной страны на конкретном этапе ее развития. Вместе с тем, как справедливо заметила В.А. Грунина, объективная невозможность однозначно регламентировать психические процессы в правовой сфере порождает феномен самоорганизации субъектов в условиях той или иной правореализующей ситуации... Процессы самоорганизации в правовом поведении в самом общем виде можно определить как происходящее в сфере правового регулирования и подчиняющееся действию вероятностно-статистических закономерностей упорядочение общественных отношений на основе личного интереса субъекта (элемента системы) либо общего интереса системы, в которую оказывается включенным данный субъект, выражающееся в совершении либо отказе от совершения активных действий, имеющих юридическое значение [3, с. 23-24].

Сказанное лишь подтверждает тезис о «нормальности» девиаций и злоупотреблений правом в существующей правовой системе, нормальности, предполагающей последовательное ограничение карательных практик с целью рационализации уголовно-правового воздействия и эффективности предупредительной деятельности.

В данном случае оценка непреклонности и неумолимости законов общества и человеческого общежития сменяется прагматичным анализом нелинейного хода событий. Помимо этого, существование противоречия

между рациональностью уголовно-правовых норм (квасисвязанность деяния свободой воли индивида) и каузальностью криминологических исследований ставит на повестку дня не столько разрешение вопроса о причинах преступности в рамках традиционных моделей их понимания, сколько объяснение того, как и каким образом элементы неопределенности, случайности, вероятности, стихийности влияют на совершение преступных деяний.

Изучение взаимодействия преступников, жертв преступлений и общества на материальном, информационном и духовном (энергетическом) уровнях, как в процессе микрокриминологических исследований, так и при анализе массовой формы реализации человеческой деструктивности, проявляется именно в казуальности, случайности событий. Недаром современные исследователи в области теории вероятностей обращают особое внимание на системные ошибки, возникающие при массовой реализации тенденций закона больших чисел в макрокриминологии.

Оказывается, что составляющие погрешность случайности на самом деле есть выражение динамического процесса формирования новой и, к сожалению, не познанной нами закономерности, чем и выступает случайность. Для нас это означает только одно - изредка классические формы статистического анализа явления с редукцией выявленных закономерностей на социум будут вести к системным ошибкам.

Прежде всего, это касается исследований организованной преступности и криминальных групп, институциональных криминальных практик, индивидуальной криминальности, эвристического анализа групп и видов преступлений, актов злоупотребления правом (коррупции, бюрократизма) и корреспондирующей им виктимности на среднем уровне. Выделение преступных типов и типов жертв для нас сегодня, возможно, более важно и

значимо, чем анализ специфики уровня преступности в отдельно взятом районе.

Именно поэтому обращение криминологов к качественным методам анализа вместо попыток выявления статистически значимых закономерностей может сыграть большую роль в формировании научного аппарата будущей теории причин преступности. Хотя, объективности ради, от универсализма в ее сегодняшнем понимании стоило бы отказаться.

Под криминальной практикой понимается пограничная девиантная активность субъекта (субъектов) социальных отношений, которые при определенных условиях могут быть визуализированы как преступления.

Если сегодня мы познаем нормальный ход развития общественных отношений сквозь анализ состояния неупорядоченности правовой жизни («правового хаоса»), крайней непредсказуемости и нестабильности ее проявлений, мы доказываем, что правонарушение и преступность, отдельные ее виды и проявления имеют свой внутренний порядок, свою «нормальность». Такая «нормальность» существования преступности, равно как и иных отклонений, позволяет говорить не о закономерностях ее развития, а о тенденциях, более или менее отражающих процесс взаимодействия правопослушного поведения, злоупотреблений правом и преступлений и социальной реакции на них как в целом в рамках устойчивой системы, так и в отдельных субсистемных проявлениях.

Можно признать, что в обществе существует определенная культурой и традициями противодействия преступности уголовно- правовая практика, реализующаяся в правоприменительной деятельности и контроле над преступлениями и некоторыми административно-правовыми и гражданско-правовыми деликтами, связанными с преступлениями и преступностью общностью локальных признаков (опасность деяния, способы его нейтрализации и контроля).

Такой подход находится в полном соответствии с теоретическими постулатами контроля над преступностью, разработанными еще Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Э. Дюркгеймом и их последователями (тезис о взаимосвязи девиаций в рамках общего их нормативного объема и соответствии объему девиантности мер предупреждения, контроля и мер безопасности).

Помимо этого, обращение к динамическим характеристикам взаимосвязи преступлений и преступности, иных девиаций в процессе изучения нормативных практик дает нам возможность несколько иначе взглянуть и на понимание преступности как основного элемента современного криминологического знания. Можно сказать, что преступность реализуется в трех взаимосвязанных, но не являющихся тождественными измерениях:

1) преступности как социального института, реализующегося в совокупности запрещенных уголовным законом и международным правом деяний, института, имеющего свои функции, тенденции, характеристики, свойства;

2) преступности как образа, складывающегося из представлений политиков, медиа-ресурсов и населения об уголовно-правовых запретах и массовых формах их реализации. Такая субъективная оценка преступности реализуется и закрепляется в феномене массового криминального сознания и культуры в целом;

3) криминальности как свойства личности или отдельных социальных групп быть склонными к более частому по сравнению с контрольной группой совершению противоправных деяний.

В силу этого можно говорить даже о трех относительно самостоятельных направлениях современных криминологических исследований: феноменологии преступности и связанных с нею девиаций;

криминологии культуры и связанных с нею уголовной политики и социального контроля, сориентированных на социально-психологический образ, а не на социальную реальность; криминальной антропологии, сориентированной на изучение последовательно-криминогенных и ситуативных типов преступников, преступных сообществ и их жертв.

Понятно, что существование преступности выгодно для государства. Оно формирует индустрию безопасности, создает образ врага, отвлекает население от поиска хлеба насущного, дает возможность манипуляции общественным сознанием. Да и программы контроля над преступностью в основном выражают не криминологическую, а политическую волю. При этом уровень сплоченности населения в противодействии преступности подогревается страхом перед нею, а не восстановительными процедурами и процедурами обращения с жертвами преступлений, ресторативными практиками.

Однако проблема заключается не просто в унификации подходов в области технических, организационных и управленческих аспектов контроля над преступностью в глобальном масштабе, но и прежде всего пересмотра постулатов и приоритетов, смещения вектора силы с позиций контроля над преступностью на восстановление, превентивные меры и обращение с преступниками и правонарушителями на уровне индивидуальном, анализа серых полулегальных практик и противодействия злоупотреблению правом как элементов системы обеспечения безопасности и обращения с правонарушителями и жертвами на уровне общества в целом.

Преступность становится универсальной и не поддающейся единому решению проблемой, поскольку является институтом общества, элементом образа жизни отдельных индивидов и социальных групп.

Постулируемые ранее закономерности взаимодействия преступности и общества при таком подходе превращаются в более или менее

вероятностные тенденции, характерные для конкретного этапа развития общественных отношений. Собственно говоря, приращение криминологии виктимологическими знаниями реально приводит к такому результату. В этой связи эвристическая функция криминологического знания сводится к краткосрочным макро- и долгосрочным индивидуальным прогнозам криминальной активности и преступных практик, а не к почитаемым нами долгосрочным прогнозам преступности, способным существовать сегодня разве что в фундаменталистских стагнирующих социумах.

Отсюда и криминология как наука может представлять собой учение о совершении преступлений в их взаимосвязи со злоупотреблениями правом и правопослушным поведением, мерах социального контроля над преступлениями и преступностью, реабилитации и обращения с преступниками и их жертвами.

Изложенное выводит на решение ряда концептуальных проблем взаимосвязи уголовно-правовой доктрины и современного криминологического знания.

С одной стороны, уголовно-правовая доктрина как традиционалистская теория, отражающая сложившееся научное мнение, именно в силу своей глубины и авторитетности востребована общественной практикой и определенным образом влияет на законодателя [2; 5]. С другой стороны, новеллистические концепции современного криминологического знания служат идеологической подосновой динамики развития доктринальной уголовно-правовой модели, питают ее новым содержанием.

Так, традиционализм учения о преступлении как общественно опасном и запрещенном уголовным законом посягательстве на личные интересы или социальные ценности, по сути, реализует аддитивную модель уголовного права. Среди отраслей публичного права право уголовное играет

вспомогательную роль, ставя своей задачей только защиту прав и интересов участников уголовно-правовых отношений.

Политкорректные субсидиарность, пропорциональность, взаимообусловленность и зависимость уголовно-правовых норм и учений от экономических, политических и социальных процессов и характеристик общественного развития, от массового сознания, уровня и степени развития правовой культуры в совмещенности с требованиями стабильности карательного аппарата позволяют говорить о доминанте индетерминистской модели уголовно-правовой доктрины: ответственности подлежит лицо, виновное в совершении запрещенного уголовным законом деяния. Этот «последний довод королей» в системе правового регулирования, вместе с тем, адекватное и своевременное отражение всех основных новелл в области обеспечения свободы, справедливости и безопасности личности, общества и государства.

Следует, наверное, признать, что уголовное право изучает преступное деяние как волевой акт нарушения уголовного закона, преступное состояние как особое состояние личности, выражающееся в устойчивой антисоциальной деятельности, и, наконец, преступность как социальный институт, реализующийся в совокупности уголовно-правовых отношений между государством, обществом, потерпевшими, преступниками и третьими лицами.

Именно последнее направление предполагает нахождение своего отражения в уголовно-правовых нормах через описание:

- субъектов и участников уголовно-правовых отношений (государство, потерпевшие, преступники, третьи лица);
- ответственности субъектов и участников уголовно-правовых отношений (преступников, социальных групп, социальных общностей, государства, потерпевших);

- потерпевших как конститутивных субъектов в процессе формирования уголовно-правовой нормы и определения необходимости криминализации;
- правил назначения наказания, сориентированных на иной субъектно-объектный состав участников уголовно-правовых отношений;
- правил назначения и применения иных уголовно-правовых мер;
- особенностей квалификации преступления, назначения наказания и иных уголовно-правовых мер с учетом характеристик потерпевшего от преступления, степени криминальности субъекта уголовной ответственности, особенностей воспроизводства преступности в своем материальном и социально-психологическом выражении в стране.

Ряд этих положений носит доктринальный характер, ряд - требует закрепления в национальном законодательстве в процессе его редактирования (новые разделы Общей части: уголовная ответственность и правоотношения, потерпевший от преступления, криминальность субъекта уголовной ответственности, уголовно-правовые меры, назначение уголовно-правовых мер, компенсация потерпевшим), ряд - последовательного совершенствования в процессе гуманизации действующего уголовного закона (учение об уголовном законе и учение о преступлении, учение о квалификации преступления), категоризации уголовных правонарушений на преступления, проступки и деликты, существенной декриминализации ряда составов или перевода последних в плоскость диспозитивного варианта регулирования уголовных правоотношений (возбуждение дела только по инициативе потерпевшего).

Нам уже приходилось писать о том, что современные уголовные кодексы, сохраняя черты догматической классической школы, переняли принципы теории обращения с правонарушителями (принудительные меры воспитательного и медицинского характера), идеи концепции опасного состояния (меры безопасности и меры социальной защиты) и развивают

последовательно виктимологическую идею о примате личной безопасности над безопасностью общественной [5, с. 150-160]. На доктринальном уровне даже анализ конкретных составов в современных научно-практических комментариях УК начинается уже с описания потерпевших от преступлений и конкретного вреда, причиненного им.

Факт совершения и верификации деяния как преступления влечет за собой следующую совокупность реакций государства в рамках существующих уголовно-правовых отношений: привлечение виновного к уголовной ответственности, применение к нему мер безопасности, социальной защиты и мер компенсации.

С этой точки зрения уголовно-правовая охрана личности, общества и государства от преступности будет реализовываться в установлении того, какие деяния признаются преступными, какие состояния субъектов преступления способствуют проявлению преступности деяний, какие наказания применяются к преступникам, какие меры безопасности, социальной защиты и компенсации определяются дополнительно к виновным или иным лицам, находящимся в преступном состоянии, а также к лицам, нуждающимся в уголовно-правовом поощрении и защите.

Ориентация на характеристики преступного состояния и четкое описание их в законе позволят, наконец, разрешить дилемму соотношения карательных и восстановительных начал в теории уголовного наказания.

Дискуссия о сущности наказания как социальной реакции на преступление или возмездии за содеянное имеет смысл в случае признания того факта, что адекватной целью наказания является кара, а не превенция. Для предупреждения преступлений существуют уголовно-правовые меры безопасности. Иначе мы наказываем виновного не за деяние, а ограждаем общество от него посредством наказания на определенный срок. Либералистские модели, к которым мы привыкли, на самом деле не

скрывают, а затушевывают сущность наказания в противовес иным мерам уголовно-правового воздействия.

Автономия и вооруженный нейтралитет государства в разрешении уголовно-правового конфликта, - вот, возможно, идеал модели уголовно-правовых отношений будущего.

Моральность уголовного права должна обеспечиваться не стабильностью правоприменительных и криминальных практик, а значимостью его для государства и гражданина.

Невозможно обеспечивать соблюдение запретов, если нарушения исчисляются, как в случае административных деликтов, так и в случае уголовных преступлений, миллионами. Правовые обязанности участников зависят не только от позитивного уголовного права, но и от уголовно-правовой идеологии, доминирующей в культуре государства, народа, нации, от, в конце концов, поддержания идеи воспрепятствования криминально-правовой активности на деле, а не на словах.

Только такой подход будет в полной мере в современных условиях способствовать процессу индивидуализации ответственности, выяснению нормативных и дискретивных факторов, учитываемых при назначении наказания, более формализованному подходу при решении задач их учета и соотношения.

Наконец, развитие уголовно-правовой идеологии должно наполнить новым содержанием описание принципа социальной справедливости, справедливого правосудия в процессе реализации уголовной ответственности. Уход от него даже в рамках теории должен в таком случае сопровождаться описанием значения наказания и кары в уголовно-правовой теории и практике.

Зачастую студентов-юристов учат значимости анализа диспозиций уголовно-правовых норм в ущерб санкциям. Возможно, уже пришло время

создания специальных курсов, предназначенных для понимания процесса назначения наказания и ответственности, рационального, а не субъективного определения уровня кары в соответствии с характеристиками деяния и личности виновного.

В рамках формирования современной уголовно-правовой идеологии важно также рассмотрение таких моральных составляющих уголовного права, как subsidiarность, пропорциональность, солидарность и уважение. Речь идет о моральных лимитах применения уголовно-правового воздействия со стороны государства, общества и отдельных граждан, о поддержке гражданами уголовного права в рамках медийной модели преступности и реакции на нее.

Последней проблемой, на которой хотелось бы остановиться в данной статье, является вопрос достижения эффективного уровня криминализации, а точнее, - декриминализации в процессе формирования новой доктрины и принятия новой редакции Уголовного кодекса. Известны работы Д. Балобановой, Б. Здравомыслова, Б. Кудрявцева, С. Келиной, Б. Мельника, А. Никифорова, Б. Тация и других, посвященные теоретическим основам криминализации. Зачастую считается нормальным обоснование модели декриминализации через антикриминализацию. Думается, с учетом «тройственности» понимания преступности, значимости каузальности и ограниченности превентивных практик в криминологической доктрине, уголовно-правовая доктрина декриминализации должна носить относительно самостоятельный характер.

Это связано как со структурным пересмотром административных деликтов и категоризацией уголовных правонарушений, так и с необходимостью снижения уровня уголовной репрессии. И дело не в медиа-информации. Положение с регистрируемой преступностью не так плохо как кажется - до начала эпохи кризисов преступность и темпы ее роста

относительно стабилизировались во всем мире. Понятное дело, что сейчас тема голода и социального отчуждения вновь вызовет на повестку дня массовые криминальные практики, однако, справедливости ради, отметим, что ранее эти практики, преступные институты и пр. в основном представляли собой политически и нормативно неодобряемую модель поведения (активности), поддерживаемую всем или большей частью народа, либо социальной организации.

В этой связи коренной ошибкой законодателя является увлеченность карательными практиками и теоретическими моделями криминализации в ущерб декриминализации [6].

С нашей точки зрения, в концепцию теории декриминализации должна быть заложена (или хотя бы служить одной из ее основ) теория случайности, поскольку именно «случайные» нормы содействуют созданию правового хаоса, ведут к неопределенности уголовной политики и неэффективности уголовных запретов.

Таким образом, исходя из современных криминологических позиций, рассмотрение «кандидатов» на декриминализацию обязательно должно быть в случае:

- наличия диспропорций в уголовно- правовом регулировании (излишняя криминализация);
- внутренней, внешней, конституционной и международно-правовой несогласованности уголовно-правовой нормы установкам иных правовых актов;
- уникальности регулирования узкого чрезмерно конкретного вопроса;
- неустойчивости правоприменительной практики (единичностью применения);
- относительности запрета (скрытой декриминализацией посредством реализации бланкетных и отсылочных норм);

- явной случайности бытия нормы, вызванной к жизни текущими изменениями политических процессов.

При этом относительность, нематериальность, размытость, виртуальность ущерба, причиненного деянием, должны корреспондировать экономической и социальной неэффективности стигматизации виновного как преступника, трудностям процессуального доказывания нарушения запрета и, наконец, невозможности использования превентивных механизмов и форм реализации уголовной ответственности.

References

1. Boyko A.I. Sistemnaya sreda ugovnogo prava [Systemic environment of criminal law]. Avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk [Abstract of Dis. of Doctor of Law]. Moscow, 2008, 50 p.
2. Boshno S.V. Doktrina kak forma i istochnik prava [Doctrine as a form and source of law]. Zhurn. ros. Prava [Journal of Russian Law]. 2003. No. 12.
3. Grunina V.A., Golovkin R.B. Metodologicheskie problemy primeneniya sinergetiki v prave: ucheb. posobie [Methodologic issues of application of synergy in law. Study guide]/ VYuI FSIN Rossii [Higher Juridical Institute of Federal Penitentiary Service of Russia]. Vladimir, 2006, 171 p.
4. Naumov A.V. Ideologicheskie osnovy ugovnogo zakona // Ugolovno-pravovoy zapret i ego effektivnost' v bor'be s sovremennoy prestupnost'yu [Ideological basis of criminal law. Criminal legal prohibition and its efficiency in fight to modern crime]: sb. nauch. tr. / pod red. N.A. Lopashenko [Collection of sci. works edited by N.A. Lopashenko]. Saratov, 2008.
5. Tulyakov V.A. Predmet ugovno-pravovogo regulirovaniya: k postanovke problemy [Subject of criminal legal regulation: to formulation of problem].

Naukovi pratsi Odes'koi natsional'noi' yuridichnoi akademii. - V. 6. - Odessa, 2007.

6. Shvets' D.V. Zakonodatel'naya realizatsiya ugovovno-pravovoy politiki: analiz zakonoproektnoy deyatel'nosti Verkhovnoy Rady Ukrainy V sozyva v oblasti ugovovnogo prava [Legislative realization of criminal legal policy: analysis of draft law of activity of The Verkhovna Rada of Ukraine of fifth convocation in field of criminal law]. Kiev, 2008.

7. Report on Implementation of the Hague programme for 2007 - Commission of the European communities - Communication from the Commission to the Council and the European parliament. Brussels, 2.7.2008/ com(2008), 373. [Internet resource]. Available at: <http://eurex.europa.eu/lexuriserv/lexuriserv.do?uri=com:2008:0373:fin:en:doc>